

**International Center for Korean Studies
Kazakh National University named
after al-Farabi**

Dedicated to the 20th Anniversary of
Diplomatic relations between Republic of Kazakhstan
and Republic of Korea
and 75 years of the Korean Residence in Central
Asia

Journal of Korean Studies in Central Asia

**VOL. 19
2012**

Цой Ин Хо <i>Чужая комната (перевод Юлии Тен)</i>	285
Бартули А. <i>Аскар Капашов – первый иностранный выпускник военно-морской академии в Южной Корее</i>	290

НОВЫЕ ИМЕНА

Цой Ин Хо
писатель**ЧУЖАЯ КОМНАТА**
(перевод с корейского)

Он вернулся из командировки на день раньше. Ноги едва передвигались от усталости. К счастью, он никого не встретил, поднимаясь по лестнице. В коридоре было безлюдно. В нос ударил запах еды.

Он нажал кнопку звонка. С нетерпением, ожидая, когда жена откроет дверь. Он звонил ещё и ещё. Он хотел, чтобы жена встретила его шумно, с широко раскрытыми глазами. Но за дверью была тишина. Может звонок не исправен. Он отчётливо слышал за дверью одинокий звон звонка.

«Если меня черти унесут, я не буду знать, когда я сплю.» Жена считала, что это одно из её достоинств. Он начал громко стучать в дверь кулаком. Конечно, у них было два комплекта ключей. Но как муж, который вернулся домой, он хотел, чтобы жена открыла ему дверь.

Где-то раздался плач ребёнка. В другом конце коридора послышался шум открываемой двери. Мужчина в пижаме смотрел в его сторону. И не только он. Из других квартир тоже показались, словно могила, лица.

«Послушайте, - не скрывая интерес, спросила женщина с улыбкой - Кого вы ищете? Что вам нужно?»

«Ничего».

От усталости, кое-как натягивая улыбку на лицо, он продолжал стучать в дверь.

«Там, кажется, нет никого. По какому делу вы пришли?» Они смотрели на него, как на представителя органов.

Смеясь, он поднял дорожную сумку.

«Нет, не по этому делу?»

«Послушайте, шлёпая тапочками, к нему приблизился мужчина в пижаме. Кажется, там никого нет, поэтому уходите. Наш ребёнок проснулся от вашего стука.»

«Извините.» Ему хотелось сплюнуть от злости.

Он смиренно достал ключи. Выбрав из связки ключи от комнаты, он начал открывать дверь. «Я хозяин этого дома.»

«Что? Вы хозяин этого дома?» - с подозрением спросила женщина.

«А, что вы сомневаетесь?»

«Мы живём здесь уже третий год, но ни разу не видели вас здесь.»

«Что? Если вы меня не видели, то значит я не хозяин?»

Я тоже живу здесь уже третий год и вас вижу впервые.»

Он продолжал сердито ворчать. Дверь легко открылась.

«Если не верите, проходите.»

Войдя в комнату, он позвал жену. Но было тихо и темно. Разувшись, он нащупал в темноте выключатель. Тут он почувствовал, полный подозрения, взгляд мужчины, который всё ещё стоял за дверью. Ему ничего не оставалось как захлопнуть дверь.

В комнате, на столике, он увидел записку.

«Милый, сегодня утром я получила известие, что отец при смерти. Поэтому уехала. Скоро буду. Скажу, что ты в командировке. Отдыхай. Обед на столе.»

Твоя жена.»

«А, спешил вернуться домой, а здесь никого нет.» С чувством глубокой усталости и одиночества он стал медленно раздеваться. Шум включённого транзистора вернул его к реальности. Он увидел всюду разбросанную одежду жены. Он почувствовал голод. На кухне вместо обеда было несколько кусочков хлеба, сухих как бумага. Ворча, он запил водой кусочки хлеба, словно резину. Он надеялся, что его встретят горячим обедом и музыкой, но эту ночь он проведёт один.

Он хотел почитать газету, но её не было видно. Вместо газеты он начал крутить стрелки часов, которые стояли уже неделю. Эти часы купила жена. Они показывали время и дату. Но иногда они спешили, поэтому нужно было долго крутить стрелки, чтобы установить её. Пальцы, с коротко состриженными ногтями, ныли от боли, словно дёсна, которыми вынудили грысть орехи. Наконец, он установил время и дату. Чувство, что эти часы надо выбросить не покидала его.

Волоча усталые и больные ноги, он направился в ванную комнату, чтобы принять душ. Включив свет, он увидел ванную, наполненную грязной мыльной водой, и налипшие на её края волосы. С чувством отвращения он нащупал резиновую пробку.

Наполняя ванную чистой тёплой водой, он увидел бритву. В ней всё ещё были следы пены и остатки бритья. Ругая жену за ленность, он начал брить жёсткую щетину. Старое лезвие порезало ему щёки. Он наклеил на раны кусочки бумажной салфетки. Они смотрелись на его лице, как-будто марки, приклеенные слюной. Но на его лице кусочки бумаги были приклеены кровью.

Усталый и злой, он увидел в зеркале своё лицо, как посылку, готовую к отправке. В тот самый миг он увидел что-то на самом краю зеркала. Его жена часто жевала жевачку. У неё была привычка клеить её там, где это было удобно. Отодрав жевачку, он положил её в рот. Жевачка была сухая и жесткая, как изюм. Вскоре он почувствовал, что жевачка стала мягкой, хотя аромата не ощутил. Жевачка жены его немного успокоила. Он повеселел и даже запел.

“Птичка на дереве, что в тобой
Если я тебе не нужен, то уходи.”

Песня, как выстрелы, разлетелась по ванной. Он начал насвистывать. Бессмысленно напевая, он услышал свой голос. Это был, казалось, чужой голос. Он оглянулся. Он почувствовал тепло, как в самый длинный летний день. Он был счастлив прошлым летом. А! Конечно счастлив. Он испугался собственного крика. Огляделся. Опять никого. Ему стало стыдно и смешно за свой страх. После горячего душа его тело освободилось от усталости. Ноги скользили по ванной, как ноги танцовщицы, которая сняла обувь после долгого танца. Перекрыв воду, насухо вытерев тело, он налил себе сока и хотел положить пару ложек сахару, но получилось десять. Он старался не рассыпать сахар. Со стаканом в руке, из которого торчала длинная ложка, он направился к проигрывателю. Он поставил иглу на первую попавшуюся в руки пластинку и растянулся на диване под скрип старой песни. Он почувствовал спокойствие, хотя ещё было не всё улажено. Он словно слился с мебелью. Он вспомнил о записке жены. Он должен был вернуться завтра, об этом он говорил жене до отъезда в командировку. Он понял, что жена тоже исчезла, как только он уехал. Скорее всего она вернётся завтра или послезавтра и будет виновато извиняться.

Он знал, что его жена устроена так, что её лоно было открыто для жаркого и страстного приёма.

Он продолжал мешать ложкой сахар в стакане. Вдруг со стороны ванной послышались шаги. Он резко устремился туда. Из крана лилась вода, которая почти наполнила ванную. Он перекрыл кран, это он помнил точно. Ворча он вернулся на диван. Теперь что-то послышалось со стороны кухни. Это горела керосинка. Ворча, он погасил её и вернулся на диван. Он увидел в пепельнице горящую сигарету. “Кто здесь?” Он огляделся с испугом вокруг. Лишь его голос кротко раздался и оборвался. Сахар в стакане давно растворился, а он всё продолжал мешать ложкой. Ему показалось, что ложка сверкнула в воздухе, как живая рыбка. Он ощутил её холодное тело. Она выскользнула между его пальцами. Он огляделся. Всё вокруг пустилось в пляс. Мебель сверкала, как листья после дождя. Шатаясь, он направился к выключателю. Неоновый свет наполнил комнату. Всё, что плясало, смиренно стояло на своих местах. Выключив свет, он лёг на диван. Темнота шептала: “Друг, поговорил с нами.” Из розетки послышалось: “Приложи ухо. Мы тебе откроем тайну. Сегодня ночью здесь будет бойня. Не страшно?”

Он отошёл от розетки. И снова выключил свет. Подошёл к трюмо, ворча открыл крышки больших и малых склянок. В буфете тоже обследовал каждую посудину. Он проверил каждый карман одежды, которая висела в шкафу, как рыба на морском ветру. Несколько листьев в ящике стола, которые, казалось, рассыпятся при первом прикосновении, напомнили ему прошлую осень. Это его расстроило.

Он обследовал каждый уголок квартиры. Заглянул даже под ванную и унитаз, и между рамами. Он ничего не обнаружил. Все починались его инспекции, как прилежные налогоплательщики. Всё это были не вчерашние вещи, не простые вещи.

Он налил водки и залпом осушил стакан. Чувство одиночества и никчёмности вновь вернулись к нему. Вкус выпитой водки казался солёно-пресно-сладким. Водка дала о себе знать громкой песней. Совершенно раздетый, он начал прыгать по комнате. Ему стало стыдно собственного страха. Он сел на диван, допил сладкий сок. Рука потянулась к выключателю. На стене заиграли блики темноты. В комнате снова всё завертелось, заплясало. Ремень извивался будто змей. Шумная стая вещей и предметов приблизилась к его лицу, даже задела его. Пепельница аплодировала антенне транзистора.

Он раскрыл небольшой зонт и, словно похоронный венок, унёсся в раскошные и светлые небеса. Он чувствовал себе

преступником. Его нога начала неметь. Он хотел бежать из комнаты, но тело и ноги были словно камень. Он собрал последние силы, чтобы подойти к выключателю. Он стал на ноги и выпрямился. Он выглядел вновь ожившим.

Она вернулась на другой день и обнаружила, что кто-то побывал в её комнате. Ничего не пропало, а наоборот она увидела вещицу, которую очень любила. Она бережно относилась к ней, целовала её. Но однажды это никчёмная вещь ей надоела и она забросила её на чердак, в кучу ненужных вещей. Затем решила уехать из этой комнаты. Она оставила записку на столике.

“Милый, сегодня утром я получила известие, что отец при смерти. Поэтому уехала. Скоро буду. Скажу, что ты в командировке. Отдыхай. Обед на столе.

Твоя жена.”

Тен Ю.П., кандидат филологических наук, доцент,